

ПЕРСОНА

На презентации книги "Опрокинутое небо" поэта Владимира Салимона и художника Татьяны Назаренко собралась московская интеллигенция — послушать стихи, взглянуть в рисунки, на которых живет-печалится бедная Россия. У этой маленькой женщины — сильная рука и смелая кисть. На том празднике искусства она делала мгновенные надписи на книгах, набрасывала миниатюры "на память". Многие любовались ее жизнерадостностью, разглядывали украшения: огромный малахитовый перстень, серьги, отливающие волшебным светом зеленого хризолита. Потом, неделю спустя, у нее в мастерской я спросила:

— Татьяна, слежу за вашим творчеством с давних пор, а встречаю вас редко, и радуюсь: вы не меняетесь внешне, только стали эффектнее одеваться. Быстротекущее время отражается в ваших полотнах, а вам лично придает новый шарм и обновленную экспрессию. Есть ли у вас какая-то спасительная житейская философия?

— Честно говоря, никогда не анализировала свое умение жить. Просто я безумно увлекающийся человек. Люблю все новое, люблю путешествовать. Людей люблю! Ищу острые ощущения. Зимой каталась на горных лыжах под Зальцбургом, в Австрии.

В этот момент зазвонили сразу два телефона. Всем нужна Назаренко — галерейщикам, телевидению, друзьям. Я тем временем разглядывала огромную мастерскую. Она до предела заполнена полотнами, прислоненными друг к другу. На стенах — пейзажи, портреты, жанровые картины. В центре — новый сюжет с "обманками": еще мокрые вырезанные из фанеры фигуры — две девушки и парень в современном прикиде.

Уже в своем первом огромном полотне "Казнь народовольцев" воспитанница Суриковского института Назаренко предстала живописцем с мощным темпераментом.

Трубки замолчали, и я спросила Татьяну о той первой картине.

— Мои "Народовольцы" были попыткой обратить внимание сограждан на героизм людей. Меня всегда привлекали экстремальные поступки. Я не могла себе представить: как женщина может руководить террористическим актом, а потом стоять на эшафоте?

— Таня, вокруг "Казни народовольцев" кипели страсти. И вдруг вы получили премию Ленинского комсомола. На мой взгляд, картина заслуживает и более высокой награды за дерзкий замысел и отменное мастерство.

— (Тяжелый вздох.) Все было куда трагичнее. Друзья, близкие восприняли работу как слишком официальную. Ее практически никто не понял. Если бы "Народовольцев" прочли как мне бы хотелось, то картину просто не повесили бы, она бы не путешествовала на трех выставках. А после них картину передали Третьяковке. Сейчас картина — в запаснике. Перевозки с выставок на выставку очень ее повредили.

— Будете ее реставрировать?

— Если отреставрировать — значит, ее надо выставить, а в Третьяковке никогда не хватает места. До меня дошел слух о намерении отреставрировать ее к моей выставке в Третьяковке, которая намечена на начало декабря.

— Таня, вы начали с грандиозного успеха, но суриковская профессура вела себя, мягко говоря, странно.

— Всю жизнь меня сопровождает двойственность: с одной стороны, мне дали премию,

Легкая, изящная, на светском рауте она неотразима. И нельзя предположить, что эта маленькая волшебница — действительный член Российской академии художеств, профессор Суриковского института. Ее картины, полные трагизма и света, иронии и сарказма, теперь — в Третьяковке, в Русском музее, в частных собраниях Германии, Франции, Испании, Италии, Англии...

ОДИНОЧЕСТВО

СО ВСЕМИ
ВМЕСТЕ

Татьяна НАЗАРЕНКО:
"Я безумно увлекающийся человек"

но отторгла академия. Выпускники мастерской Академии художеств, которую я тоже заканчивала, всегда были под опекой академии: с ними заключали договоры, их поддерживали. Еще хорошо, что "Казнь народовольцев" ушла в Третьяковку, а не на помойку. Но никакого следующего договора со мной не заключалось. Я как бы перестала там числиться.

— Вас не защитил ваш руководитель Гелий Михайлович Коржев?

— Он повел себя довольно странно.

— Но он же мощный мужик, монументалист...

— И живописец. Я к нему очень хорошо относилась. Он поддерживал меня, когда я писала эту картину. Но, парадоксально, он изменил ко мне отношение.

— Не потому ли, что живописец не захотел воздать должное другому монументалисту — женщине?

— Может быть.

— Таня, вы страдаете от зависти?

— Всю жизнь я себя считала независимым человеком. Да и завидовать чему-то или кому-то мне и в голову не приходило. Какой-то относительный успех у меня был. Материальное существование вполне устраивало. Я довольно рано поехала за границу. Впервые была в Италии, когда туда еще никто не мог поехать. Когда я закончила Суриковский, меня poslала академия на целый месяц на свою дачу в Риме. Путешествовали по всей Италии. Все, что увидела, очень сильно повлияло на мою дальнейшую жизнь в искусстве.

Через 25 лет я попала в те же места, и у меня было впечатление, будто я видела все это только вчера. Перед фресками Джотто испытала такое же благоговение, было желание поклониться колени. Я рассматривала их с прежним чувством восторга и какого-то ученичества. Удивительно: в теперешней Италии все осталось, как в давние века, — и здания, и памятники, и даже мальчики на улице носят такие же локоны до плеч, и у них такой же взгляд, такие же лица, словно сошедшие с полотен великих художников. У нас в России очень изменился облик людей, и уже почти не встретить похожих на тех, кого изображали художники XVIII или XIX веков. Не найти в Москве тот самый поленовский дворик...

— А что предпочитают коллекционеры покупать у вас?

— Их все-таки притягивают русский взгляд и все необычное у наших художников. У меня часто покупают пейзажи.

— Суриков очень любил писать снег. Как вы относитесь к зимней природе?

— Не люблю писать летний пейзаж. Зеленый цвет листья живописцу неинтересен. Люблю наслаждаться зеленью, а писать предпочитаю снег, ветку на снегу, былинки, птиц на снегу... Снег подчеркивает цвет домов и неба, абрис деревьев. Он очищает все. Ужасно люблю Москву заснеженную. Меня охватывает чувство гордости и радости, что я живу здесь, а не где-нибудь в Майами или в Сан-Франциско.

— Что стало с вашим великолепным, огненным "Пугачевым"?

— Я долго не хотела с ним расставаться, надеясь, что его купит Третьяковка. Но там денег на моего "Пугачева" нет. И я продала картину человеку, чей портрет буду сейчас писать.

— Наверно, тут дело не только в деньгах?

— "Пугачев" был мне очень дорог, считаю эту работу одной из моих самых лучших. Но все решило заманчивое предложение: у этого коллекционера будет первый в России частный музей искусства XX века. Поэтому я согласилась продать картину.

— Вы уже видели, с кем рядом он повесит ваши полотна?

— Мне было очень приятно, что мои работы развешены рядом с прекрасными работами замечательного художника Виктора Попкова.

Мои работы он сам отбирал — пришел, увидел и сказал: "Я это беру". Собственно, так поступают и другие. У меня в мастерской многие бывали. Например, замечательный художник Петер Людвиг. Он покупал для своей коллекции, которую потом предлагал Москве для музея современного искусства, которого здесь нет. Но, увы, Москву это не заинтересовало. И Людвиг часть своего собрания предложил Петербургу: там открылся Музей современного искусства в Мраморном дворце.

— Таня, чувствуя, вы не стремитесь принимать заказы на парадные портреты...

— Честно говоря, все мои попытки писать на заказ чрезвычайно тяжелы. Как правило, заказчик диктует свои пожелания. Даже самые умные, просвещенные и замечательные хотят в портрете побольше волос и реснички подлиннее. (Смеется.)

— Любого талантливого, независимого художника всегда подстерегает конфликт с окружением, со всеми, от кого зависит его путь к зрителю. Ваша потрясающая "Циркачка" балансирует на канате. У тех, над кем она парит, лица узнаваемы?

— Я написала ее под впечатлением совершенно драматической ситуации: в 82-м году я должна была поехать в Гамбург, на выставку "Русское искусство сегодня". Уже висел плакат с моей работой, издан каталог, где на первой странице была напечатана репродукция моей картины. Журнал "Штерн" вышел с моей фотографией. Но накануне отъезда узнала: меня не пускают. Почему? Отчего? До сих пор не знаю. Работы мои уехали, а я терзалась в Москве. Но когда меня не пустили за границу несколько раз, я пришла в отчаяние. И никто не объяснял ничего! Иногда нагло говорили: "Ваш паспорт не готов".

Однажды в Доме дружбы меня назначили руководителем зарубежной поездки, а потом чиновники с выпученными глазами упрекали меня: "Мы вас руководителем выбрали, а вы, оказывается, невыездная!" Слово наконец-то было произнесено. Один человек сказал мне тогда: "Еще лет 20 вам не удастся поехать за границу". И вот тогда я написала "Циркачку". Я — на проволоке, над головами этих чиновников. Их лица вполне конкретные: с усиками — вице-президент Академии художеств Кеменов, стоят чиновники из СОДа, секретари Союза художников — групповой портрет людей, которые в лицо мне говорили: "Какая вы замечательная", а за спиной...

Новое поколение не понимает, что такое "невыездной". Мой младший сын тоже этого не понимает. У знаменитого французского мима Марселя Марсо была замечательная пантомима "Клетка". Он выходил на сцену и руками как бы ошупывал значительное пространство. По-

том пространство сжималось, сжималось, и наконец, он уже был бессилен отодвинуть эту клетку от груди. И он замирал, засыхал в ней. Я тоже тогда себя чувствовала в клетке. А моя циркачка на проволоке — свободна! Свободное искусство сковано жизнью. Об этом говорили многие художники мира.

Моя "Циркачка" не была показана. Это был 84-й год. Она стояла у меня в мастерской. Но в 86-м у меня была первая выставка в Германии — и она туда поехала.

Картина Татьяна Назаренко "Трапеза" своеобразно и остро обыгрывает античный сюжет о Юдифи с головой Олоферна. Живописец нового времени, Назаренко положила на поднос собственную голову на гордой шее. Отчаянная и бесстрашная женщина в "Трапезе" бросила вызов самому Провидению. Она расположила вокруг прекрасной жертвы сонм чудовищ, приготовившихся к пирушке. В картине метафорически осмыслено трагическое ощущение художника после поездки в Америку, куда ее пригласили, пообещав выставку. Татьяна вывезла туда много работ. Заокеанские галерейщики принимали ее гостеприимно: водили в рестораны, совершили вместе с ней самолетные вояжи в Сан-Франциско, Лос-Анджелес — а потом предъявили русской женщине счет на 25 тысяч долларов. Ее картины стали заложниками.

— Меня там надули, как облапошивают многих художников. Нет у нас защищенности. Вот и нарываешься на мафию манипуляторов. В Америке я потеряла всякие права на свои картины. Мои попытки искать помощи у доброжелателей, у каких-то адвокатов кончались тем же самым: все хотели откусить от меня какой-то кусочек: дескать, нет проблем — расплачивайтесь картинами.

— Великие художники писали свою мастерскую, где автор был счастлив в окружении друзей...

— Я всю жизнь писала портреты своих друзей. Но не могу сказать, что нас объединяло духовное единство. И никогда этого единства не изображала. Может быть, я накликала на себя свои ощущения — я ведь всегда говорила: пишу одиночество. Мне кажется, человек чрезвычайно одинок. Даже когда я была весела, счастлива и взглядом художника окидывала нашу компанию, то пронеслась мысль: как бы все это нарисовать? Анализируя, ты не можешь так же бесечно выпивать, участвовать в веселье. Ты хватаешь бумагу, карандаш и начинаешь делать какие-то почеркушки, чтобы запомнить, оставить замечательный момент — и выключаешься из общей атмосферы, из момента праздника.

...Я даже не заметила, что закончилась кассета, а мы еще долго говорили. Она не любит посвящать посторонних в свои семейные дела. От первого раннего брака у нее — взрослый и вполне успешный сын Николай. Он отец счастливого семейства. Второму браку Татьяна с Сашей Жигулиным уже 22 года. И сыну, тоже Саше Жигулину, — 17. Несколько лет назад они купили в тульском селе Дворянинове кусок земли с крестьянской избой, постепенно построили свой дом с печкой и камином, с мастерской.

У Татьяны совсем нет времени предаваться тоске и горевать в одиночестве. Когда устает рука выпиливать "обманки" — фигуры персонажей "Перехода", она пойдет бродить по улицам и припомнит стихи Володи Салимона: "Внезапная потеря зрения/в смятение приводит нас./Надежда лишь на Провиденье./На дар прозренья./Третий глаз".

Наталья ДАРДЫКИНА.